

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Часть Первая

Человѣкъ яко трава, днѣ его яко цвѣтъ селный.

[Псал. 102., ст. 15.]

Книга третія.

Обратимся къ такъ называемой Исторіи Мартистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли до вступленія въ управленіе оною столицею князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина, который былъ человѣкъ разумный, богобоязливый и самыхъ честныхъ правилъ, а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученіе.

Портрета князя Прозоровскаго писать я не буду, для того чтобъ не давать какъ нибудь пиши своему пристрастію, ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что можно прощать врага своего, а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердить на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ, видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ, и конечно не воображалъ, чтобъ я могъ когда нибудь ихъ читать.

Напрасно, однакожь, думаютъ, чтобъ князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и большаго современемъ возвышенія своей фортуны: а князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли,—какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни: обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ее раздаю, что едва ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій; и даже, какъ я слышалъ отъ людей весьма вѣроятія достойныхъ, навлекалъ въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая, тутъ и типографію, которая нѣкогда была подъ моимъ именемъ, и тогда уже давно не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ небезопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстати о милостынѣ; странно, что очень многіе противъ не умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству конечно нужно и должно стараться, чтобъ нищія не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако,—такими средствами устройства, чтобъ во первыхъ не было ихъ, если то можно: и наконецъ, чтобъ ихъ переводя, не сдѣлать вдвое несчастныхъ, то-есть, чтобъ не лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи?—Какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ онъ проплетъ?—А ежели отъ сдѣланнаго посему отказа, иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу, то каково это должно быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

И мнѣ случалось иногда отказывать, и съ нѣкоторою досадою, потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ во-

противъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря въ себѣ въ мысляхъ: что, развѣ ты самъ не приступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случиться лишнее выпить.

Впрочемъ я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ, никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя: будучи еще ребенкомъ я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня были, и любовался его о томъ радостію.

Но съ того времени, какъ я пощастію узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія, для угожденія источнику любви, который повелѣлъ просящему давать. Помощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія, и для Бога, особливо воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готовая соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостыня всегда бываетъ полезна дающему, еслибъ она и не нужна была тому, кому подается; какъ напротивъ благодѣаніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія, или самолюбія, нисколько не приноситъ благословенія благодѣтелю и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ, и коего владычеству должно совсѣмъ истребиться, дабы Духъ Божій воцарился въ человѣкѣ.

Но князь Прозоровскій отмѣнный былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милотины казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ насъ расположенія; но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791-го года, князь Безбородко, бывшій тогда Графомъ, подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву, съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ, для того, чтобъ произвести надъ нами слѣдствіе.—

съ указомъ о томъ князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ кн. Безбородкѣ. Однако онъ, подлинно погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился, ничего не предпринимая и не отдавъ указа князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на князя Безбородку.

Безбородко ни къ чему не приступилъ, по своей проницательности, по мягкосердію своему и, можетъ быть, по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворянскимъ. Впрочемъ онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ, почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною, (въ 1794-мъ году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что сіе дѣло не соотвѣтственно Ея славѣ.

Но не могъ онъ или не имѣлъ довольно твердости не исполнить сдѣланнаго ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его, и такую, которая на нѣсколько мѣсяцовъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги и что чрезъ то скрылися слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я раскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчаніи, и съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сіе особливо полезно для вниманія судей въ дѣлахъ Уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новыя комнаты, хотѣлъ я очистить свое бюро, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, дралъ и жегъ самыя неважныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклясться, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до пріѣзда кн. Безбородки, и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особливо обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ. Шпіонство, окружавшее насъ, донесло. Кн. Прозоровскій принялъ это по своему; а Безбородко узнавъ, обрадовался этому случаю, по своимъ же видамъ и совѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того,—и вотъ какъ сперва свѣдалъ: чрезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда кн. Безбородки, разговаривая на-

единѣ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично-великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоится отъ напрасныхъ на него подозрѣній; что самый обыкновенный, только опытный взоръ полицейскій увидѣть можетъ, что дѣйствія наши явныя, и по нимъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей: стоитъ только изслѣдовать образъ мыслей, который мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ—конечно на каждой страницѣ, если не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ, найдете вы поученіе, что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ Него постановленнымъ, и тому подобное; что можно не понимая, или не любя такихъ правилъ ихъ оуждать, но несходно съ разсудкомъ,—внушающихъ такія правила, подозрѣвать въ замыслахъ мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами,—но такъ усердно и прилежно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ,—было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя. Что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество.—Увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно узнать, нечаянно схватя наши бумаги?—

При семь-то графъ, который меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ, большей близости своей тогдашней къ Двору, многое зналъ и во многомъ открыто участвовалъ и при семь дѣлъ, сказалъ мнѣ: „Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сжегъ?—Почему жъ, говорю, думать, что ихъ жгутъ?—Да ты первой, отвѣчалъ онъ мнѣ, сжегъ передъ пріѣздомъ сюда Безбородки съ Архиповымъ“.

Я истинно даже и забылъ, что сжегъ бумаги, какъ описывалъ выше—и долго увѣрялъ его, что этаго не бывало. Но онъ рассказывалъ мнѣ даже почти часы и положеніе мѣста. Я вспомнилъ, и рассказалъ ему такъ, какъ подлинно было; и что совсѣмъ напротивъ я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я могу то доказать. Однако

онъ при всей любви ко мнѣ и отлично хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ какъ откровенность—коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего не значущее дѣйствіе—важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ въ Апрѣлѣ 1792-го года рѣшилось, много разъ и нѣсколько лѣтъ предпріемлемое, пораженіе нашего общества.

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова; и дома его наполнили солдатами; а онъ изъ Подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями, и съ такими военскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семъ случаѣ сказалъ Графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій князю Прозоровскому, который ему рассказывалъ о важности ареста Новикова, и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ. „Вотъ расхвастался,—какъ городъ взялъ: старичонку скорченнаго гемороидами взялъ подъ караулъ; да одного бы десятекаго или бутошника за нимъ послать, такъ-бы и притащилъ его“.

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и Тихвинъ. Приставу отъ князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа и подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генераль-губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали: можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ; а извѣстный Шишковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что тамъ происходило; и вдругъ князь Прозоровскій получилъ секретный имянный Указъ, чтобы князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева, и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя мы отправились.

Тургенева не было тогда въ Москвѣ. Послѣ очень скорого окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровскій меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ оный призывъ, и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его генералъ адъютантомъ, который, крайне удивляясь моему спокойствію, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія, ибо оно подлинно при невинности естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжело. При чувствахъ совѣсти, вина, конечно, тяжело казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ, или торжествуетъ, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, который тогда имѣлъ уже около 90 лѣтъ, и лишенный зрѣнія былъ въ крайней слабости тѣла, кромѣ головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Кн. Прозоровскій приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною цѣлію Его Сіятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственнаго, и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему и позволено было, еслибы открылось, что нибудь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои велѣно было отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предубѣжденіе, что бумаги сожжены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобъ мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

Итакъ ласкаясь, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости, кн. Прозоровскій призвалъ къ себѣ въ Петропавловскій подѣздный дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ и гдѣ все сіе происходило, оберъ-полицмейстера очень скрытно, и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ князь объ оберъ-полицмейстерѣ, который въ ожиданіи приказа просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчь: забыли или не смѣли ихъ внести къ нему; а это дѣлалось уже въ Августѣ; князь, противъ чаянія своего, не нашедъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній оберъ-полицмейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно

пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе князя сего къ допросу было предлинное, гораздо свысока и жестоко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣеть отъ Государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то я думаю ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній трудъ для него будетъ; прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать. Очень хорошо, говорилъ онъ, спрашивая меня: самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать секретаря,—и весьма уже смягчился. Я бы желалъ самъ писать, если—можно, сказалъ я. Но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ.—Тѣмъ лучше, отвѣчалъ мнѣ онъ; ибо мнѣ приказано прислать отвѣты ваши вчернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся,—и подлинно ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей, приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очиненными перьями.—Онъ давалъ мнѣ на особыхъ листахъ списанные, пунктъ за пунктомъ, такъ, чтобъ отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго.—Всѣхъ пунктовъ было, помнится осмнадцать, а въ отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ двадцать листовъ, безъ одной помарки, въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе; сего конечно, при всемъ самолюбіи нельзя мнѣ приписать моему искусству или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее жъ было, такъ сказать, подобрано для расширенія завѣсы.

Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ начиналась эта матерія; и князь Прозоровскій отдавая мнѣ его дрожащею правда немножко рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: „Посмотрю, что вы на это скажете?“—О, на это отвѣчать всего легче!—сказалъ я; и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе конечно участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровскій прочиталъ отвѣтъ сей съ необычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Чтожь, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?“—Да какъ же быть-то? Не было—холодно отвѣчалъ я ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій затѣмъ пунктъ и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая, отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, я не могу слышать, говорилъ про себя: „Не такъ бы съ ними надобно!—подходя ближе ко мнѣ говорить будто про себя; однако такъ, чтобъ я слышалъ:—теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ свести“.—Признаюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня. Не для того, чтобъ я боялся очной ставки съ Новиковымъ, который конечно также виновенъ, какъ и я. Но представилъ себѣ, что его привезли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ тайной экспедиціи изнуреннаго, обросшаго бородою, можетъ быть окованнаго; прискорбно было ожидать такого тутъ свиданія съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ сперателемъ, К. Прозоровскій, подошелъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говорить мнѣ: „Новиковъ-то вѣдь во всемъ признался.“—Не сомнѣваюсь отвѣчалъ я ему: я думаю, что Новиковъ такъ же виноватъ; а если въ чемъ виноватъ, то конечно признался, а онъ не дуракъ и боится Бога.

„Однако,—говорилъ мнѣ Кн. Прозоровскій,—съ французами вы имѣли переписку?“—Кто? спросилъ я. „Вы, и именно вы, сирѣчь ты.“ Имѣлъ, я отвѣчалъ. Обрадовался мой князь; и съ веселымъ тономъ продолжалъ: „Это хорошо, что вы чистосердечны; да и дѣло уже извѣстное, скажи пожалуй, о чемъ же и когда вы писывали?“—Неупомнимъ, отвѣчалъ я, всего, о чемъ и когда. Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.—„Вы шутите,—осердясь говорилъ мнѣ князь:—къ какимъ же французамъ вы списывали это? къ лавочникамъ здѣшнимъ?“—А то къ какимъ же?—„Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.“—А ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ? „Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?“—говорилъ онъ.—Такъ знайте-жъ, сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству, я никакъ вамъ не уступлю; и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ.

Князь очень сбивши своего жару, говорилъ мнѣ: „чтожь эдакъ на меня нападаешь? Вѣдь не я,—Государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ.“—Гдѣ жъ этотъ вопросъ?—„Вотъ будетъ.“—А я буду отвѣчать.—„Что-жъ отвѣчать будешь, скажи пожалуй?“ Тогда увидите.—„Лучше скажи пожалуй, прежде, такъ можетъ быть мы и посовѣтуемся,“—и очень

прилежно уговаривалъ меня расказать ему напередъ этотъ отвѣтъ.— Скажу вамъ только, отвѣчалъ я, что ежели Государыня меня объ этомъ спрашиваетъ, то я конечно въ отвѣтъ своемъ Ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серьезнѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета.

Я продолжалъ писать отвѣты и ни въ одномъ пунктѣ не нашедъ такого вопроса, сказалъ князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ много доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесетъ ему конечно никогда славы; „Да, говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣтъ такого вопроса; но мнѣ поручено спрашивать о чемъ я разсужу, еслибъ того и небыло въ тѣхъ пунктахъ.“—Такъ ваше Сіятельство очень несправедливо разсудить изволили, отвѣчалъ я ему; и еще вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступлю я ни вамъ, ни кому; а образъ спрашиванія вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство.—Замолчалъ, однако, князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною кн. Прозоровскаго, всѣ же описывать было бы слишкомъ пространно, и не весьма интересно. Но описываю то что было, и самъ онъ,— конечно признается, еще здравствуя и въ полезнѣйшихъ вѣроятнo страдаемахъ упражняюсь теперь на берегахъ Дуная. *)

Одно еще обстоятельство, отмѣнно характерическое съ его стороны при оныхъ допросахъ расказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта подъ именемъ иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правилъ: и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилежно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинялъ я.

Во время вопроса Кн. Прозоровскій говорилъ мнѣ, что мы иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, но мы ихъ непріатели, и зная всю вредность этой секты, поставили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чему и планъ, за нѣсколько лѣтъ тому

*) 1-го Января 1809-го года.

назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему хотя сейчасъ черной, писанный моею рукой.— „Очень хорошо, сказалъ онъ, завтра привезите.“ Привезъ я завтра,—это было въ другой день моею съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, князь мнѣ возвращаетъ ее, говоря, что она ничего не значить.—Она только значить, что мы не иллюминаты, отвѣчалъ я, такъ прошу принять ея въ правосудіе.— „Пусть вы не они, говорилъ мнѣ Прозоровскій, да все то же.“—Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не иллюминаты, какими насъ считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ; слѣдовательно оправдываетъ,—говорилъ я,—но если бъ это мнѣ казалось и оправданіемъ, то я думаю Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насъ.— „Не приму,“ отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ, продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобъ я при семъ представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ наистрожайшей казни за скрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровскій не принялъ отъ меня той бумаги, потому, что онъ съ расположеніемъ своимъ могъ бы ее принявъ особо и утаить; а то я подумалъ про себя, принужу тебя князь принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже нельзя будетъ тебѣ скрыть ее. За молчавъ объ ней, спрашивалъ я его, какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги; ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реэстра въ скоромъ времени сдѣлать не могу. „Да это не нужно,—говорить онъ мнѣ,—а вы ихъ привезите послѣ, только всѣ и за вашею печатью.“

На другой день по утру привезъ я ихъ къ нему безъ разбора запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту негодную ему бумагу, просилъ особо ее принять. „Я уже вамъ сказалъ, что не приму ее,—отвѣчалъ онъ мнѣ—и никакъ отнюдь не приму.“ и оборотясь къ случившемуся тутъ потомъ же дѣлу князю Н. Н. Трубецкому говорилъ ему:— „помилуй, уговори его: навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?“ Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ, упрямство, говорилъ князю Прозоровскому: За что такъ особливо не правится эта бумага вашему Сіятельству?— „Она ничего не значить, и я уже сказалъ, что не приму ее“ . отвѣчалъ онъ мнѣ.—Такъ позвольте-жъ сказать, продолжалъ я, вы должны ее принять, какая бъ она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а вы обязаны принять.

Одумался князь; и съ нѣкоторою торопостью принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: „Извольте, я ее приму, если то вамъ непременно надобно.“—Когда онъ принялъ, то я просилъ его дозволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я въ исполненіе требованія отдалъ ему всѣ бумаги. „Зачѣмъ же, говорилъ онъ, Государыня мнѣ и безъ того вѣрить.“—Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ я, но признаюсь, что я немножко педантъ и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку; пожалуйста, позвольте. Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги и въ какой формѣ. О врученіи ему спорной оной, описалъ особо, представивъ обстоятельно ея содержаніе и причину. для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дня, въ которые отдыхъ мнѣ было только, что въ первый ѣздилъ ночевать домой, а на другой обѣдалъ у князя Прозоровскаго; но обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ княгини хозяйки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ его находились. Ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора. Однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ, и со лбу на лобъ съ кн. Прозоровскимъ мы бесѣдовали въ немъ по крайній мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною, ближайшею къ престолу особою; и еще поважнѣе два пункта: 1-й, для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка?—2-ой, для чего имѣли мы сношеніе съ берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что, хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейгскому, но извѣстно мнѣ, что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ по обрядамъ извѣстнаго Массонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ: а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики, но

когда узнали мы о холодности между дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ, только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.

Спрашивали напримѣръ: гдѣ собирались, для чего скрытно отъ помощи, объ обрядахъ, о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя, и тому подобное.

На все отвѣтствовалъ я со всею искренностію и очень подробно. Нигдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя ни общество. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и управленій. Что жъ касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что неможно правосудно почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка, въ разѣзды и проч.

Заключалъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни, въ слѣдующихъ словахъ:

„Всѣ бумаги отдалъ; ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не сокрылъ“, и проч.

„Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ Тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь царей, Господь Богъ мой, Спаситель Надежда, и Утѣшеніе.

Сіе чистосердечное исповѣдываніе мое печатлѣю я слезами. Не слезами страха и ропота, Государыня, ибо я не дерзаю усумниться въ правосудіи Твоемъ; и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая либо на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все исчезнетъ отъ единого воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣдываніе. Итакъ не сле-

зами страха и ропота печатлѣю его; но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою и любящаго,—смѣю сказать, Добродѣтель.

Твой

Вѣрный по гробъ подданный

И. Лопухинъ.“

Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, такъ что могъ записать ихъ отъ слова до слова, но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того, приняться за перо, была самая тяжкая для меня работа.

Заключеніе же оное вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что никогда я не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно плакалъ, обливался, можно сказать, слезами—и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Кн. Прозоровскій, любитель и любимецъ жестокосердой Белонны, не короткое кажется имѣя знакомство съ такими слезами, не выдавъ, что я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался что я наконецъ струсилъ и началъ меня успокоивать: „Укрѣпитесь чего вы робѣете?“—Нѣтъ, отвѣчалъ я, робость очень далеко отъ меня; и я плачу не отъ нея—„Отъ чего же?“—Увидите изъ того, что я пишу.

Окончивъ, подаль я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: „буде существуетъ какая на меня клевета“,—то, измѣняясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: „Ежели вы туть обо мнѣ разумѣли. то напрасно.“—Нѣтъ, ваше Сіятельство,—отвѣчалъ я.—писавши это, я истинно на васъ не мѣтилъ, какъ и то правда. что ожидалъ, что возьмете вы на это свой счетъ. Сіе точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

„Почему жъ ожидали вы того?“ спрашивалъ онъ меня.—Какъ чистосердечно увѣряю,—отвѣчалъ—я, что не цѣлилъ я на васъ, писавши о клеветѣ,—такъ же признаюсь, что считаю васъ большимъ мнѣ неприятеlemъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно.—Туть я говорилъ ему о томъ, какіе онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутать и проч.

Сія сцена была, послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и кн. Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда для

объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною. кн. Прозоровскій объявилъ намъ указъ сей, коимъ рѣшилось все общее дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія и показавъ намъ подпись на немъ Государыни; всего же содержанія не читалъ. Мнѣ случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ; и признаюсь, что читалъ съ великимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора, и тѣни во мнѣ не было. Можно поистиннѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для разпещренія покровы обвиненія невинности.

Кн. Прозоровскій по снисхожденію къ товарищу моему кн. Трубецкому, и потому, что находился онъ тогда при должности въ казначействѣ, о сдачѣ, коей ничего предписано не было при указѣ о ссылкѣ, который шелъ по тайной экспедиціи, далъ ему десять дней время на прожитіе здѣсь для распорядженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправляетъ съ нашими отвѣтами, и притомъ спроситься о смѣнѣ кн. Трубецкого. А мнѣ сказалъ: „вы вѣдь не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.“—Очень бы скоро могъ и выѣхать,—отвѣчалъ я,—если бы не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ, одинадцать жилъ сряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надобно.—Кн. Прозоровскій позволилъ и мнѣ пробыть въ Москвѣ 10-ть же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ.—Но писавъ мои отвѣты, и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ по какому то неизъяснимому предчувствію что Государыня прочитавъ ихъ перемѣнитъ свои мысли; хотя она рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались, ибо осужденіе уже было сдѣлано.—Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобъ не ѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно: не ставилъ ее себѣ въ безчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи; и въ инныя минуты даже радовался ею, какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже накучили. Но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцомъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтою этой отмѣны, и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленнаго съ на-

пили отвѣтами, располагая, что ежели быть переменѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ тотчасъ по прочтеніи отвѣтовъ, или никогда. Кн. Прозоровскій, посылая отвѣты мои и князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посылаетъ два отвѣта совсѣмъ въ разномъ вкусѣ, (это были точныя его слова, какъ я видѣлъ послѣ. въ своеручномъ его письмѣ) что князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживаетъ помилованія. а я все скрываю, и упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня, подлинно, еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя по пріязни графы Орловы (Алексѣй и Федоръ); я хотѣлъ, чтобъ объявленіе то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая переменны. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думалъ онъ, на этомъ пунктѣ. Можно ли, чтобъ Государыня отмѣнила указъ, ею подписанный и объявленный? Этого не дѣлала она ни одного раза во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. Я коротко ее знаю,—говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ 11-й по объявленіи указа, и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращался. Кн. Прозоровскій торопилъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпіонстволюбія подзорами за мною. По расчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они пріѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что я думаю не мучительнѣе были бы онѣ для меня на эшафотѣ.—При всей безпредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отъѣзду у меня было уже готово: подорожная взята. ввечеру привели почтовыхъ. съ тѣмъ, чтобъ назавтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12-мъ пополудни прислалъ за мною кн. Прозоровскій и объявилъ полученный мнѣ Имянный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты. и велѣдствіе того повелѣваетъ: о князѣ Трубецкомъ исполнить точно. по данному прежде объ насъ указу, должность же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василя Степановича Попова, который читалъ ихъ предъ нею такъ же

въ слезахъ.—Тогда не зналъ онъ меня еще и въ лицо, а гораздо послѣ познакомься, рассказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ противъ меня отъ нѣкоторыхъ ополченіяхъ и злыхъ и смѣшныхъ, коихъ не хочу я описывать, чтобъ не черниться ѣдкостію. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: „помню, какъ я плакалъ, читавши ваши отвѣты предъ разстроганною Императрицею“.

Государыня съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе, и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ какъ извѣстно особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно можетъ быть, во все Ея царствованіе однажды случившейся, отмѣнѣ ея указа,—предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя Она знала о его состояніи и подписывая указъ о моей ссылкѣ: и гораздо прежде—въ нѣсколько лѣтъ Ея противъ меня предубѣжденія, я очень ей извѣстенъ былъ, какъ знала Она и то чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшало отца моего, и меня для него. Онъ конечно-бы и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило, еслибъ курьеръ, который отвозилъ наши отвѣты, сутки двои лишнихъ не былъ удержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ и тѣмъ больше,—говорилъ,—что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, что я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная—невинность, и одинъ вѣрный ея покровитель.

Итакъ, я остался въ Москвѣ. Кн. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ отправились на житье въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на 15-ть лѣтъ въ шлюсельбургскую крѣпость. Студенты Колокольниковъ и Невзоровъ*) оставлены также подъ тайною стражею. Дома

*) Они ѣздили въ чужіе края на моемъ иждивеніи обучаться медицинѣ; и когда, кончивъ ученіе и получа докторской градусъ, возвращались въ Россію, то по подозрѣнію на общество наше взяты были въ Ригѣ, а по тайной экспедиціи привезены въ Невскій монастырь; оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость и наконецъ въ секретную больницу, гдѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ императоромъ Павломъ I-мъ съ милостію; нынѣ служить онъ въ Московскомъ уни-

Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено, и все почти исчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами типографической компаніи, нанесло оное крайніе убытки и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ,—но я не жалѣю потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ все русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись въ продажѣ у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ запрещенныя книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796-го года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ и любимымъ своимъ

верситетѣ надворнымъ совѣтникомъ, и особливо извѣстенъ по изданію преползнаго журнала, подъ именемъ „*Друга Юношества*“, который издаетъ онъ единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Мак. Ив. Невзорова съ извѣстнымъ покойнымъ Степаномъ Ивановичемъ Шишковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того чтобъ его расказать. Невзоровъ былъ болень и не могъ отвѣчать, да и нечего было, а Шишковскій думалъ, что онъ упрямится и таить нѣчто важное. — „Знаешь ли, гдѣ ты?“ — говорилъ ему Шишковскій.

Н. Не знаю!

Ш. Не знаешь? Ты въ тайной.

Н. Я не знаю, что такое тайная. Пожалуй схвати и въ лѣсъ завезутъ въ какойнибудь станъ, да скажутъ, что это тайная—и допрашивать стануть.

Ш. Государыня приказала тебя бить четвертымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать.

Н. Не вѣрю, что это приказала Государыня, которая написала наказъ комисіи о сочиненіи уложенія.—

Шишковскій, вышелъ съ досадою и послѣ принесъ записку руки Государыни, коею повелѣвала она Невзорову отвѣчать. Я не знаю—говоритъ Невзоровъ,—руки Ея Величества: можетъ быть вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государыниной.

Ш. Да знаешь ли кто я.

Н. И того незнаю.

Ш. Я Шишковской.—

Н. Слыхалъ я про Шишковскаго: а вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шишковскимъ никакого дѣла быть не можетъ. Я принадлежу университету, и по его уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ университетакомъ, и проч.

Наконецъ принуждены были отвѣсти Невзорова для допросу къ самому первому куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣчать, какъ не о чемъ было и спрашивать.

чтениемъ, *) знакомствомъ съ малымъ числомъ людей и прогулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ содержанію здоровья, и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ я уже выше сказалъ, небездостоинымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ (и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно поручень былъ за мною присмотръ), убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность хотя и безвинно. Я имъ смѣясь отвѣчалъ, что не оставлю и по причинѣ самой основательной. Нѣтъ, никто изъ смертныхъ,—говорилъ я,—не можетъ больше мнѣ сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, что вѣроятно и не случится, а ежели я раззнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скорѣе убью.

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ кн. Прозоровскій, я все окруженъ былъ подсмотрами, только спасибо, онъ ихъ такъ учреждалъ, чтобъ я не могъ объ нихъ и догадываться; а я не хотѣлъ объ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не беспокоился я симъ, что зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ, изъ-за любопытства только, поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать. Но въ ту же минуту жалѣя, что я ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе и совсѣмъ забыть его, не только приказывалъ, но просилъ.

Итакъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла, ссылкой въ деревни моихъ товарищей кн. Трубецкого и Тургенева и оставленіемъ меня въ Москвѣ, правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію кн. Прозоровскаго, который тогда, однако, ѣздилъ по губерніи, и возвратясь увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угожденіе ему или въ мнимое, далѣе—не знаю.

*) Уражнялся я такъ же по охотѣ моей въ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашелъ было на меня духъ поэзіи, и я, совсѣмъ не зная ея правилъ, и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая сіе на внутреннюю жизнь обновленія души, которые напечатаны подъ именемъ: „Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давыдовымъ.“ Если бъ нѣчто не отвлекло меня тогда—отъ чего питиической духъ этотъ во мнѣ скрылся—то бы, думаю, переложилъ я всю псалтырь въ нѣсколько дней,—такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ уже не могъ я написать ни одного стиха.

При разборѣ бумагъ Новикова, нашли одинъ реестръ мною подписанный, коимъ требовалъ я по оставшемуся мнѣ кредиту при расчетѣ съ бывшею у насъ типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ, на семь съ копѣйками, запрещенныхъ. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ.

Былъ въ Орлѣ священникъ Іоаннъ, который и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличнаго уваженія по его примѣрной благотѣльности. Стараніями христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище.

Между прочими къ тому средствами, желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, который отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сіе дѣлалось нѣсколько лѣтъ, и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я не читая его подпишу: „отпустить по сему реестру на столько то рублей книгъ на мой счетъ“. Не имѣлъ никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцомъ, а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ не обязанный знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявлено не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами, въ наряженное надъ книгопродавцами собраніе суда, которое составлено было изъ уѣзднаго, надворнаго и магистрата. Вдругъ—мнѣ повѣстка, чтобъ я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792-мъ году, 14-го Сентября; день былъ прекрасный, и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ,—заботился только, какъ бы успѣть возвратиться домой къ батюшкѣ, который тотъ день пускалъ кровь: при семъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами не рады своей комиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я уже старался облегчить ихъ; и несмотря на то, что у нихъ никакой надлежащей формы поставлено не было, взялъ перо и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началь уже тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать наши дѣла.—И подлинно привязавшись къ этому обстоятельству говорилъ я о невинныхъ, или, лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ въ продажѣ и печатаніи книгъ

и проч. Словомъ о всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду, оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его говорили: „Чтожь дѣлать?—онъ уже все рѣшилъ самъ.“

Однако въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ, съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то стану жаловаться ей на такое притѣсненіе, описавъ его нагlostь.

На другой или третій день послѣ того кн. Прозоровскій, возвращаясь въ Москву 22-го числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу.—Послѣ обѣда изъясняетъ онъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него беспокоили.—И что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумнія такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать отъ кого это шло, и что теперь радъ былъ случаю публично написать то, что я писалъ, но ежели еще хотя мало коснуться до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и покажаль ему, заготовленное вчернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, увѣряя, что уже больше нималого безпокойства я не потерплю.

Между тѣмъ, дѣло производилось хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда по обыкновенному порядку пришло на ревизію Уголовной Палаты, то кн. Прозоровскій настаивалъ, чтобъ непременно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинять меня никакъ не должно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виноваты тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны не продавать ихъ; а не тотъ кто требовалъ, и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что наконецъ никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился кн. Прозоровскій, выгналъ судью, однако, послѣ велѣлъ оставить ревизію,—чтобъ покрайнѣй мѣрѣ не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и предсѣдателемъ Уголовной Палаты и подъ судомъ ея.—Быть подъ судомъ тайной экспедици и всѣ дѣла ее имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о томъ опишу я въ слѣдующей книгѣ.

Книга четвертая

6-го Ноября 1796-го года, скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества, коего Она была истинная благодѣтельница. Любовь въ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для Нее пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него происходила и та неподражаемая кротость, коею столь искусно облегчала Она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія; при которой, однако, въ превосходной степени умѣла Она воздержатъ подданныхъ въ страхѣ къ Ней безъ робости, и въ одобрительной всегда надеждѣ на Нее. Подъ Ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякій однако мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣлю имѣли благоустройство, и на челоуѣколюбіи были основаны. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя Ея безсмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей челоуѣчеству. Она первая отринула сіи звѣрства, паче лютость тиранствомъ избрѣтенную, и къ стыду просвѣщенными слывущихъ Государствъ, столь многіе вѣки бесплодно терзавшую въ нихъ челоуѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ, гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія *) то сіе дѣйствіе не безгрѣшности, общей и царямъ со всѣми

*) Прошу читателя не подуматъ, чтобъ сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ записокъ суду, по тайной экспедиціи надо мною и надъ бывшимъ обществомъ нашимъ.—Нѣтъ! свидѣтель тому Сердцевѣдецъ, равно какъ искренность слѣдующаго мнѣнія.

Мы конечно невинны были; но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ нея предубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣжатъ можетъ? И какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ царскихъ очей истина—Всевидащему одному всегда извѣстная! Итакъ разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные,—по справедливости должно признатъ, что судъ надъ нами Екатерины былъ весьма милостивый, а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному, означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойныя.

Я слыхатъ отъ самого князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему, для чего не арестуетъ онъ Новикова?—„Тотчасъ, если только приказатъ изволите“, отвѣчалъ всегда князь.—*Нѣтъ надобно прежде найти причину*,—всегда же отзывалася Самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ.

смертными, въ высочайшей степени покрывается неизмѣннымъ Ея снисхожденіемъ и умѣренностію въ судопроизводствахъ публичныхъ; и всегда пользовалась Она прелестнѣйшимъ Государей правомъ, укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ Екатерина была примѣръ великихъ Государей, царство Ея было самое благотворительное для Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбія, особливо въ войнахъ, коихъ навсегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи и еще кромѣ нѣкоего поущенія роскоши, которое почитала Она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго, хотя роскошь кажется есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно расслабляющая его вообще и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дня черезъ три послѣ перваго въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего Сергѣя Ивановича Плещеева, письмо, которымъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной—и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ при недосугахъ его, и въ концѣ своею рукою только приписалъ: „Если вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему вашему другу Плещееву“.

Предложеніе его несказанно смутило меня. Мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось. Успокаивался я нѣсколько тѣмъ, что зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ я увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступитъ безъ моего согласія, и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобъ не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу, но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, еслибъ случилось ему на меня падать и безъ его напоминанія.—Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного

Кто жъ былъ Новиковъ?—Содержатель типографіи, поручикъ отставной, котораго Она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія. Но напримѣръ въ дѣлѣ по тайной экспедиціи о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита Арсенія въ 1767-мъ и въ началѣ 1768-го года, видно до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской Епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

знакомаго случая; а курьеровъ тогда по нѣсколько изъ Москвы ска-
кало всякій день. Я просилъ, чтобъ матерію о службѣ моей оставить
по крайнѣй мѣрѣ до личнаго свиданія въ Москвѣ во время Коро-
націи.

Между тѣмъ, сообщалъ я Плещееву, который очень близко былъ
къ Государю. въ дружеской откровенности, мысли мои о разныхъ пред-
метахъ Государственнаго правленія и о многихъ, столь быстро дѣлан-
ныхъ перемѣнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я въ самомъ пла-
менномъ усердіи къ Нему и отечеству—много, можетъ быть, и полез-
наго. Плещеевъ, находя оное таковымъ же, и до пристрастія имѣя ко
мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма: но по
счастью время и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать,
а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы безъ пользы и могло
навлечь гнѣвъ Государевъ на него и на меня.

Откровеннѣе и сильнѣе еще я собирался писать съ отправляв-
шимся въ Петербургъ по Государеву повелѣнію тогдашнимъ, Церкви
Іоанна Воина въ Москвѣ священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Де-
ницкимъ, что нынѣ Черниговскій Архіепископъ Михаилъ. Сей, по-
истинѣ великій въ званіи своемъ мужъ,—коего сочиненія весьма извѣ-
стныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваже-
нія, между твореніями учителей Россійской церкви, могутъ сравни-
ваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, перваго
Епископа Воронежскаго,—былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго
студенческаго его состоянія—и дружбу его 25 лѣтъ продолжающуюся,
почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25-го
Ноября поутру; но наканунѣ поздно ввечеру, между прочими съ
почты письмами, получилъ я въ письмѣ Григорья Куселева, бывшаго
тогда генераль адъютантомъ. Имянное повелѣніе, ѣхать въ Санктпе-
тербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Куселева дня два про-
лежало на почтѣ потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обык-
новенной переписки, изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ
дни, когда она изъ столицы сей приходитъ, а ходили за письмами
деревенскими изъ Орла, и отъ нѣкоторыхъ пріятелей, жившихъ въ
семъ городѣ, съ которыми и Куселева письмо принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобъ никто о
томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе друзья мои Сергѣй

Ивановичъ Плещеевъ и кн. Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго такъ же въ послѣдніе 12 лѣтъ его жизни имѣлъ я щастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными, считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастіемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева, извѣстны всѣмъ знавшимъ его безпристрастно. Что же касается до князя Репнина, то онъ конечно былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели, и почтенія къ истинному геройству, съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить. Еслибъ мои правила позволили мнѣ давать волю самолюбію, то не просилъ бы я другой на гробъ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *онъ другъ былъ Репнина.*

Черезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву по французски: „Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ И. В. скоро сюда будетъ; я послалъ за нимъ“. Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особливо довѣренности, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ престола, и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всякихъ политическихъ видовъ,—но она то была наиболѣе причиною отмѣненнаго на меня устремленія, при происшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 мѣ году, которое однакъжъ тѣмъ чудеснѣе, такъ легко въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семь.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, который тогда былъ Статсъ Секретаремъ, отписать ко мнѣ съ курьеромъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству. При чемъ угодно было Государю приказать написать ко мнѣ, „что отъ него самого узнаю о томъ употребленіи, къ коему Онъ меня назначать изволить, и отмѣнномъ Его ко мнѣ благоволеніи по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ“.

Черезъ пять дней послѣ полученія перваго указа, отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ, который тогда уже не вставалъ съ постели, и почти ежечасно требовалъ моей помощи. сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только ра-

довался моей, такъ называемой, фортуны, но сначала досадовалъ на меня, подумавъ что я самъ ее проискивалъ. Я успокоилъ его, лаская надеждою скорого возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого двора.

4-го Декабря 1796-го года, предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ Его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ, при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моею смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе, однако я всегда смѣлъ былъ передъ Нимъ, и никогда нисколько Его не робѣлъ, даже во время самой холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности; только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная,—являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно.—Пылкость гнѣва Его никогда, однакожъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предубѣжденіемъ; сильное впечатлѣніе въ нравъ Его сдѣлало конечно то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ; и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ онъ на престолъ.—Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше какъ при Павлѣ I-мъ можно было бы сдѣлать добра для Государства, если бы окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видали собственной корысти.

Первый разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ, на котораго онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ по Его призыву, не только отмѣнно милостивому, но можно, сказать, дружескому, не поспѣшилъ къ Нему пріѣхать,—и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ, знаковъ орденовъ кавалерскихъ.—При семъ Государь спрашивалъ у меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьѣ.—Я Ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такіа почести, самолюбіе питающія, конечно неприличны;—но приѣмая правленіе церкви нынѣ больше учрежденіемъ

политическимъ, не бесполезно, по мнѣнію моему, употребляться могутъ такія отличія, для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными. „L' habit ne fait pas le moine“ (платье монаховъ не дѣлаетъ), прибавилъ я. „Правда твоя“, сказалъ Государь.

Я старался оправдать Платона, сколько могъ, а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ видомъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ несказанно милостивомъ со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ щастіе много помочь къ умилостивленію Государя; кончилось тѣмъ, что онъ изволилъ мнѣ сказать: „Ну, видно ты прямо любишь Платона, и если такъ, какъ ты говорилъ, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдетъ“.

Тотъ же день писалъ я все это къ митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще возвратился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по Государеву же повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода, указъ о коемъ опредѣленіи члены подписывали въ день воскресный, праздничный, въ алтарѣ придворной Церкви, въ самое время совершенія литургіи. Отъ сего онъ занемогъ, и не смѣлъ уже ѣхать; увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіями своими мужу, и пастырю рѣдкимъ благоразуміемъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ Гавріиломъ, сказалъ ему: „Пожалуйте оставьте Платона въ покоѣ и безъ меня не касайтесь до него; мы и такъ пересолили“.

5-го Декабря выносили въ Петропавловскій Соборъ тѣло Императора Петра III-го и преставившейся Императрицы. Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ повелѣніемъ находиться при немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись статскіе секретари.

Ввечеру того же дня Государь призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатъ Генераль Прокурору волю Его объ освобож-

деніи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ сколько можно ихъ покоить. И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему, и сколько возможно, спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнималъ колѣна Государя, давшаго сіе повелѣніе—точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столько жъ и самую справедливостію: ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя, для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, для удержанія примѣромъ симъ другихъ отъ преступленій подобнаго рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнетать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждены на заключеніе подъ стражу тайную,—было бы единственное презрѣніе человѣчества, или мечь, нетерпимая не только правилами христіанства, но и самага великодушія.

Милость и довѣренность Государева ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простиралось, что Онъ позволилъ мнѣ быть при Немъ по моей должности, только послѣобѣдніе часы, для того, что по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело рано было поутру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ прїѣздовъ меня уволить. Часто были такія минуты, въ которыя 10,000 душъ выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при дворахъ бываетъ. Всего больше неприятымъ для нѣкоторыхъ, меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобъ извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по тайной экспедиціи, чтобъ всегда открыты мнѣ былъ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи; и чтобъ я могъ—когда заблагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній Генераль Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и моею дружбою съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня

отказаться отъ оной должности.—Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой просьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ случаяхъ, надобно бы ему радоваться товарищамъ. Неужели, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость.

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держалъся при дворѣ, успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая.

Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Троцинскому разсмотрѣть, подтвержденный уже имъ докладъ Сената, о нѣкоторыхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемся еще при жизни Императрицы, остановить исполненіе, и найти способъ оправдать или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ, иностранца, котораго имя забылъ. Меня объ немъ просилъ сынъ Александръ Павловичъ, сказалъ Государь, а его разжалобила жена этаго арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ, по должности Военнаго Губернатора Петербургскаго.

Я поѣхалъ къ Троцинскому, у котораго изъ короткой записки о семь дѣлѣ увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими, и къ одинаковому приговоренъ публичному наказанію. Подтвержденный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ ко второму Военному Губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить или облегчить казнь всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію, равныхъ преступниковъ, одного исключить или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше, казалось мнѣ, если нельзя всехъ простить, то перемѣнить наказаніе всемъ, равно съ онымъ иностранцемъ приговореннымъ, на содержаніе въ смиренномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде, и сіе сдѣлать, чтобъ покрайней мѣрѣ сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю; онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и княземъ

Безбородкою. Скоро вышелъ въ Секретарскую нашу комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ и подошедъ ко мнѣ спрашивалъ тихонько, что я сдѣлалъ—Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. „Какъ-же, сказалъ Государь,—всѣхъ? Они виноваты!“ Да и онъ виноватъ, отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородкѣ, и такъ же говорилъ съ нимъ тихо.—Я остался у своего Секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, оборотясь ко мнѣ изволилъ что-то сказать: я подошелъ,—Государь продолжалъ;— „Вотъ и Александръ Андреевичъ говорить, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню какого мастерства) на житье въ бывший городъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки Монастыря“.—А прочихъ-то докладывалъ я,—съ коими онъ равно виноватъ, куда же?—„Въ ссылку по приговору“, отвѣчалъ Государь.—Воля ваша. сказалъ я, только это несходно будетъ съ правдою и порядкомъ.—„Да онъ же почти и невиноватъ“, выговорилъ при томъ кн. Безбородко.—Какъ же, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ и Государю казнь подписать дали?—На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ:—„Полно братецъ, перестань“. Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь поговоря опять тихонько съ Безбородкою подошелъ ко мнѣ, и уже милостиво спрашивалъ: „Ну что жъ думаешь ты сдѣлать?“—Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказать изволите: а думаю, что несравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ Вашимъ великодушіемъ.—„Нѣтъ, сказалъ Государь, этакъ нельзя—я прикажу Архарову“.

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я при дворѣ. Однако послѣ же Государь нисколько еще не отмѣнилъ милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательно, при семъ надобно сказать: въ комнатѣ гдѣ это происходило, были только Императоръ, наслѣдникъ, кн. Безбородко, человекъ два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ и я, да первый Государевъ камердинеръ, стоялъ у дверей. Не больше конечно какъ чрезъ полчаса послѣ оной сцены, я поѣхалъ домой, а завтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говоритъ мнѣ: „что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчерась сказываютъ? Вѣдь бѣда будетъ!“ Отъ кого онъ это слышалъ, спрашивалъ я.—Отъ бывшего за мной лакея.—А онъ отъ кого?—Отъ придворнаго.

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ кн. Рецнинымъ и Плещеевымъ; и тѣмъ больше, что основанію ея пред-

полагали они правила столько же твердыя, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представленію приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ Захаромъ Яковлевичемъ Корнѣевымъ, человѣкомъ исполненнымъ честности, и рѣдкихъ въ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ вице-губернаторомъ, то заключеніе оное подтвердилось, и на языкѣ чисто при дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партію.—Но у меня, истинно, того никогда и въ мысляхъ не было; во всю бытность мою при дворѣ, одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ гдѣ только мнѣ представится случай соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще; и милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно Единому Источнику милости непреложной.

Вотъ что при посылкѣ за Корнѣевымъ случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще не думалъ представить объ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ Его всякій день меня спрашивалъ, послали-ль за Корнѣевымъ, не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Черезъ нѣсколько дней послѣ такихъ вопросовъ, этотъ самый любимецъ, сидя съ мною на каналѣ предъ Государевымъ кабинетомъ фамилиарнымъ, и очень будто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, просить меня еще въ откровенности сказать ему: послали-ль за Корнѣевымъ?—Я увѣряю что нѣтъ, развѣ безъ меня, что нельзя и глупо было бы мнѣ таить это, что ежели чрезъ меня призваться будетъ Корнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили мы этотъ разговоръ, Государь, не помню зачѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ.—И я тутъ имѣлъ случай доложить о Корнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ весьма полезна быть можетъ. „Пошли жъ за нимъ,“ сказалъ Государь. Вышедъ изъ кабинета написалъ я къ Генералъ Прокурору письмо, съ объявленіемъ воли Государевой о пріѣздѣ Корнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному пріятелю моему придворному.

Никогда однако не считалъ я за полезное быть Корнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливимъ секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляю-

щих частями или министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ, по большой части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ пріятно и надобно.—Такой перевѣсъ весьма бы конечно былъ полезенъ. Особливо по дѣламъ Сената, коего большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ Генераль Прокурора.—„Согласенъ съ предложеніемъ Его Превосходительства, или Сіятельства или Свѣтлости“—только почти слышется и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Корнѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ.—Все уже противъ него настроено было. Одинъ самый ближній при Государѣ комнатный чело­вѣкъ, мнѣ рѣшительно сказалъ, что никакъ его не допустить остаться при дворѣ. Государь откладывалъ его представленіе день за день; и Корнѣевъ первый разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими, уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскѣ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которое опредѣленіе послѣдовало по моему старанію чтобъ по крайнѣй мѣрѣ не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго чело­вѣка доказываетъ сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой тому причины я и теперь не знаю, признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная что я съ своей стороны не подавалъ никакой. Вообще кажется можно вѣрно заключить, что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ, и которые ему больше надобны нежели я. Особое свойство великодушія потребно Государямъ, чтобъ одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ никакихъ порученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ говорить со мною. Чувствуя что ни чѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его—былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ бы отъ предчувствія того что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него,

не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ доброжелавшіе, и которые больше знали нравъ Государевъ, не совѣтовали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что никакъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ: и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказалъ я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить и себѣ многого; что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе—и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. — „Вы философъ,—говорилъ онъ мнѣ,—а двора, позвольте сказать, не знаете; теперь вамъ случай, я вѣрно знаю. такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Дента-ли вамъ надобна—Государь тотчасъ ее надѣнетъ на васъ, чинъ—также получите: если-жъ вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь по подачѣ письма вашего, вынести вамъ на то указъ, и позволяю вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню“.

Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, я не соглашаюсь на ваше предложеніе, хотя и увѣренъ въ его успѣхъ; я не философъ, но правда, что люблю держаться правилъ философскихъ. Двора я подлинно не знаю и никогда я думаю очень знакомъ съ нимъ быть не могу: только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, придворныя обстоятельства вижу я тонѣе вашего. Я не искалъ быть при Государѣ, Онъ самъ изволилъ призвать меня, и принять съ отличною милостью. Гнѣва Его я не заслужилъ, возвратится милость Его ко мнѣ,—я буду очень радъ. Продолжится гнѣвъ Его—все я не виноватъ буду. Уволить меня отъ себя съ милостью—я буду счастливъ; а съ немилостью,—несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненія и награды отъ Него, не заслужа ихъ, то и оправдаю гнѣвъ Его; и тогда то если не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже конечно никогда возвратитъ не можно во всякомъ смыслѣ.

Въ такомъ расположеніи продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ Государевымъ и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его во гнѣвѣ или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старался снискивать хорошіи случаи удалиться отъ двора. Вѣрный другъ мой Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ помогалъ мнѣ въ томъ: хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Го-

сударя. Однажды воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говоритъ ему обо мнѣ и просить уволить меня, если я Ему не угоденъ, съ милостію. Государь отказалъ, сказавъ, „Полно, дайте время, мы съ нимъ уживемся“. Но вотъ что надобно при семъ рассказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званію моему Статсъ Секретаря, былъ при мнѣ коллежскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ настаивая о увольненіи меня, выговорилъ Государю. — А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать опредѣлить ко мнѣ. — „Такъ-то, отвѣчалъ Государь съ жаромъ; хорошъ же ты другъ Ивану то Володимировичу! Его прочь для того, чтобъ Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда“ — и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было подумать, что Государь перемѣнитъ свое обращеніе со мною на прежнее; однако оно нисколько не перемѣнилось; странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною Императрицы Екатерины II-й, заключенъ былъ въ Шлисельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ или послушниковъ монастырскихъ, который предсказалъ о Ея кончинѣ, и точно въ то время какъ она случилась.

При освобожденіи всѣхъ по тайной экспедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита Гавріила. Въ одинъ вечеръ Государь переговора въ своемъ кабинетѣ съ митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвавъ къ себѣ Сергія Ивановича Плещеева, и отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ и истребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное ему; только съ тѣмъ, чтобъ Сергій Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашелъ я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отсвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе сіе весьма воз-

можно отъ сіянїя непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣрной лѣствицѣ свѣта, и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякій предсказатель правды, самымъ лучшемъ открываемой, есть всегда святой просвященный. И сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ неблагоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе, и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудическому уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодный монастырь, и къ такому настоятелю, который бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, Онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ; сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности; только не имѣю я, говорилъ, довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при Особѣ Его. Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя но не иначе, какъ съ награжденіемъ, и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобъ я подалъ записку о томъ чего хочу. Плещеевъ зная меня, увѣрялъ что я никакъ то не сдѣлаю, а совершенно предаюся милостивой волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ повѣря Плещееву, что я доволенъ буду сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня тайнымъ совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сіе происходило поутру 20-го Генваря 1797-го года; только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписаннаго уже обо мнѣ указа, присланнаго отъ моихъ товарищей, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною; однако такъ же непріятно имъ было и такое скорое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ; *„хоть съ ангелами ликуй“*. Однако желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда, что Государь теперь возвратился, съ вахтпарада, очень не веселъ а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣренъ, что непременно изво-

лить то сдѣлать, и съ милостью,—только въ лучшей части. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему что никакъ я о себѣ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя впрочемъ онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ повѣрьте что будетъ такъ, какъ я говорю, я съ вами объ какомъ угодно закладѣ ударюсь: только пріѣзжайте послѣ обѣда.— Пробьемъ сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно онъ только отворяя двери называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ; или вошедши въ него, ту жъ минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевой. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ дожидавшемуся у двери кабинета, и съ улыбкою сперва тихонько мнѣ сказалъ: „вы правы“, а потомъ вслухъ при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: „Государь извиняется, что не можемъ васъ принять въ кабинетъ; онъ теперь занятъ письмомъ, а тотчасъ сюда выйдетъ.“

Черезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ.—Въ дверяхъ онъ громко кашлянулъ; и когда я ставъ на колѣно, поцѣловалъ у него руку, то онъ поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: „vous m'avez fait tousser. Я отъ тебя закашлялся.“ Что значили сіи слова, не знаю и по сіе время; и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя, не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать.

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое; и въ самое короткое время,—въ часы почти—испыталъ я все соблазны придворной жизни, и такъ называемаго счастья временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной?—Картина ея весьма извѣстна—и всегда та же, только съ нѣкоторою переменною въ тѣняхъ. Корысть—идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій; угодничество и притворство, составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо—въ толчокъ ближнему *верхъ ея*.

Книга пятая

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ. и покоился продолженіемъ попеченій моихъ объ немъ, лежавши уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ, скончался онъ въ рукахъ моихъ: и

хотя онъ былъ 92-лѣтъ въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ былъ я опредѣленъ въ 5-ый Департаментъ, что нынѣ 6-й уголовный, въ которомъ и тогда производились по большей части тѣ же уголовныя и слѣдственные дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятіе для меня будетъ служить сенаторомъ въ Москвѣ или Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ Генераль Прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ Департаментовъ хочу я присутствовать?—Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ правиламъ, по которымъ служилъ и въ Уголовной Палатѣ. Большого труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ челоуѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самый строгій. Товарищей было у меня много—собраніе сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь, и опредѣленіемъ въ сенаторы всѣхъ отмѣнныхъ въ то время генераль-губернаторовъ и правившихъ ихъ должностей. Въ томъ числѣ были старики, и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ—и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостію, что мнѣ очень извѣстно, что Онъ желаетъ только правосудія—и что я увѣренъ, что Ему пріятно будетъ всякое возможное съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ.

Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь, при увольненіи меня отъ себя;—многіе, и изъ самыхъ прозирателей въ дворскую политику, думали, что довѣренность Его ко мнѣ, еще продолжается,—что не тайное ли око Его я въ Московскомъ Сенатѣ—и, судя по нраву Государеву, заключили, что я могу скоро къ Нему возвратиться—и въ большую еще милость.—Такое ложное заключеніе послужило однакожъ къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три,—а тамъ уже трудно было и несогласится: разное рѣшеніе законами запрещается.

Итакъ во все царствованіе Павла I-го во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ дворянинъ, пятымъ Департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію. И по всеѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Все доклады сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три только, помнится, отмѣнилъ Онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно было видѣть, по склонности ли строго былъ Государь сей?

Послѣ кончины Его, нѣкто изъ разумнѣйшихъ сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ уже теперь,—разсказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ назначить кнутъ и ссылку сыну короткаго знакома своего—да и безвинному почти. Для чего-жъ, спросилъ я?—„Боялись иначе“—отвѣчалъ онъ.—„Что, говорилъ я, такъ—именно было приказано, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?—“Нѣтъ, продолжалъ онъ, да мы по всеѣмъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Ему.“—Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: мы далекіе отъ двора, Московскіе сенаторы простѣе живемъ; и не отвѣдалъ бы конечно знакомецъ твой кнута, если бѣ случилось дѣлу его быть въ 5-мъ Департаментѣ.

Въ Мартѣ пріѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребываніе Его въ сей столицѣ было мѣсяца 2. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключкѣ иногда знатнѣйшіе меня подвергались.—Однако не говорилъ со мною ни слова; я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему „чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго.“

Впрочемъ у Государя въ сердцѣ противъ меня конечно ничего не было; а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ, которые Ему нужнѣе,—или пріятнѣе меня казались, поставила преграду изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство разскажу я между прочими одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ пожаловалъ и меня кавалеромъ Ордена Св. Анны 1-го класса, то я пославъ, по обычаю давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ

того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку очень любезному, и который въ бытность свою при Государѣ безъинтересно любя меня, очень меня обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травами.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда уже въ большой у Государя милости, въ первый праздникъ, пришелъ къ нему въ кафтанѣ сшитомъ изъ моего бархату. Государь былъ очень веселъ. „Ты заставишь и меня К . носить французскіе кафтаны.—Что это за прелестный бархатъ?—Откуда у тебя?“ К . сказалъ.—„Такъ стало И. В. любить тебя? Смотри-же заслуживай любовь его, это тебѣ и у меня аттестатъ“, изволилъ сказать Государь;—и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ рассказывалъ самъ К .

Въ началѣ 1800-го года отправлены были Сенаторы для осмотра всѣхъ Губерній, и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую.

Осмотры такіе конечно весьма полезны и хороши для сохраненія порядка и обузданія злоупотребленій, хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть избличены для наказанія судомъ; а необходимо иногда исправлять ихъ, и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ.—Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ.

Сіе особливо въ разсужденіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе избличить его.

Кажется справедливо сказать должно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, если можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было—чтобъ они нужды и прихотей не имѣли, чтобъ наконецъ боялись Бога, какъ Свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду,—что безъ любви къ Небесному ея Источнику невозможно или весьма ненадежно.

Касательно сей матеріи, помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писаннаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803-мъ году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше конечно простите мнѣ, что я отъ безпредѣльнаго усердія къ Священной,—и простите еще сыновне искренней свободности моей,—къ Любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоценному для меня отечеству, коего благо долженъ быть и есть первый предметъ Вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что настоящее до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

Итакъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ переходимую большею частию отъ людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, еслибъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣ искоренить, или по крайнѣй мѣрѣ сколь можно умѣрить, пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ. Для коего способы къ изобличенію весьма трудны и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣ преступленія и лица.

Немалымъ способомъ къ обнаруженію зла сего послужить бы могла и отмѣна того закона, который равному подвергаетъ наказанію и приѣмлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему, строгости тончайшей нравственности, самой высокой добродѣтели, коея правила заставляютъ безъ изыятія жертвовать собственностію во всемъ общей пользѣ и чести истинной, и которой столько же неестественно быть между милліонами людей общею, какъ и быть каждаго обязанностію, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящею. Объ отмѣнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ перваго осмотра Губерній дерзалъ я представлять еще въ Божѣ опочившему Государю Императору родителю Вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоугодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ Государ-

ственныхъ узаконеній статью. Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть сочленомъ, имѣвшимъ счастье въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать по крайней мѣрѣ желаніе быть достойнымъ онаго званія.

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю: всѣ наши представленія были уважены и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы; а мы съ товарищемъ получили командорственные кресты Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ числѣ обозрѣвшихъ Губерній Сенаторовъ, кои за отличныя при томъ труды, всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Последнее очень трудно, всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно— и какъ же попасть именно, на тѣ, которые не хорошо произведены, особливо съ умысломъ: такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала, напримѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной, приказываю я предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ уже и рѣшенныхъ дѣлъ. Какое, спрашивалъ онъ.—Какое попадется, говорилъ я, только прикажите подать скорѣе. Чтожь? Предсѣдатель принесъ дѣло и такъ безпорядочно произведенное и незаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго; при всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однакожь, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главные черты осмотра нашего, любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетради подъ названіемъ: выписка наставленій и приказаній данныхъ Г. Г. Сенаторами при осмотрѣ Вятской Губерніи въ Мартъ 1800-го года. Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ; и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра Губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нее не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее съ печатныхъ уже порознь въ вятской типографіи предписаній оныхъ въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей рассылки въ разныя присутственныя мѣста и уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобъ показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской Губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи, есть на-

ставленія, замѣчанія, исправленія; но ничего нѣтъ такого почему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сіе сдѣлалось вслѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской Губерніи, о которой при ономъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что она „золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами“. Конечно—вслѣдствіе нашего донесенія, писаннаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобъ можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую Губернію, сѣѣшили мы по причинѣ наставшей уже тогда распутицы въ Казань. При отъѣздѣ изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложя для усмотрѣнія образа осмотра нашего оную напечатанную нынѣ выписку, и притомъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи имѣющія связь въ ея Губерніи съ Вятскою. Сіе больше касалось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особое уваженіе заслужило.

Въ то же время, донеся Государю объ отъѣздѣ нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нее донесеніи по сдѣланіи вышесказаннаго соображенія писали мы, что „осмотрѣвъ Вятскую Губернію, возможное поданной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впредь устройству въ чемъ нужно. Предписали наставленія по жалобамъ, доносамъ, и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить, что важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются особливо по волостнымъ правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе и онѣ возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ, что наконецъ, обыкнувъ говорить предъ Августѣйшимъ Престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобъ какое нибудь присутственное мѣсто, или чиновникъ въ Губерніи Вятской, заслуживали представленными бытъ въ особенное благоволеніе Государево.—А что принадлежитъ до гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тютчева, то сей въ честности состарѣвшійся чиновникъ (ему было лѣтъ 80 по крайнѣй мѣрѣ), истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей честности; и голосъ всей Губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи.“

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что послѣдовало. Государь прочитавъ сіе донесеніе, тот-

часть далъ два указа: однимъ приказалъ Губернатора за старостию уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованіемъ за усердную службу; а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вятской Губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ—и на меня именно, какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторыя, имѣвшіе въ то время большое вліяніе въ дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро однакожь, и на тѣхъ же почти дняхъ,—успѣли ближніе при Государѣ исходатайствовать снисхожденіе милости Его, и дозволеніе прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ сенатѣ наши бумаги, и сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально,—только недо-дѣлали.

Сенатъ разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содержанію коей никого отрѣшить по справедливости не слѣдовало. положилъ однако отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государственный казначей присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такіе, кои только что вступили въ должность и не могли быть ни въ чемъ виноваты: о прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднеся ему докладъ конфирмовать: а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно, писалъ я свое удивленіе, говоря при томъ,—что донесеніе наше, (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостію—но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что если однакожь неожиданно и было оно поводомъ тому, что произошло въ первомъ движеніи гнѣва Государева.—то послѣ когда дѣло уже было въ ихъ рукахъ, и Государь соизволилъ на ограниченіе своего Указа,—очень могли бы они, вмѣсто такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленнаго ими отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большемъ числѣ они положили и проч.

На одного же меня все сѣтованіе обращалось потому, что извѣстно было, что мой товарищъ, хотя человѣкъ разумный, долговременною въ службѣ опытностію отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій,—мало однако входилъ въ производство осмотра нашего, и по какой то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что я напишу.

Но сіе самое послѣ, по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому неизвѣстному мнѣ отношенію, совершенно лишило меня пріязни сего почтеннаго товарища, съ которымъ во все время вояжа нашего по Губерніямъ, около 8 мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ однихъ квартирахъ, и даже косо другъ на друга не поглядѣли.

Кромѣ онаго происшествія съ Вяткою, ничего особливаго, заслуживающаго описанія при осмотрѣ нашемъ Губерній, не нахожу я.

Надобно только рассказать еще Анекдотъ въ той-же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной и достойной вниманія по отношенію къ нравамъ народнымъ.

Въ Городѣ Вяткѣ, который, тогда по крайней мѣрѣ, похожъ былъ болѣе на богатое село, нежели на Губернскій городъ,—обычай у поселенскихъ дѣвокъ торговать калачами, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ всѣ рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя тамъ называются балаганами и ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ у нихъ калачи или булки, давая имъ всегда по нѣсколькѣ лишнихъ копѣекъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ 18-ти, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что отмѣнно не глупа, подарилъ я ей на разсторжку пяти-рублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась: 5-ть рублей калачницѣ капиталъ.

На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ—мужикъ въ слезахъ мнѣ въ ноги: „Пожалуй батюшка, спаси дочь мою: ты погубилъ ее—она хочетъ удавиться или въ Вятку (рѣку) броситься. Вчерась ты пожаловалъ ей 5-ть рублей, такъ всѣ дѣвки товарки ее, цѣлый день ей житія не давали: ты была у Сенатора, да и только; за

чтожъ-бы ему пожаловать 5 рублей. Дочь моя воетъ, въ удавку лѣзетъ; не можемъ уговорить ее мать отъ нея не отходить.

Смѣшно правда мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ; однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе.—Неужели ты этому вѣришь.—говорилъ я ему—да еслибъ дочь твоя была у меня, такъ и бы ей 5 рублей или больше далъ у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ.—„Родимой.—говорить мнѣ мужикъ,—да кто этому повѣритъ! Мы знаемъ что неправда—да проклятыя то завистницы ее съ ума сводятъ, а она дѣвчонка молодая, глупая.—Помилуй батюшка!“ кричитъ мой мужикъ, валяясь въ ногахъ.

Даю ему деньги—не беретъ, давалъ ему ужъ столько, что по состоянію его дочери могло бы составить изрядную часть ей приданого—мужикъ все не беретъ, а только кричитъ: „Помилуй, спаси дочь мою, не быть ей живой; она удавится, не вѣкъ сидѣтъ надъ ней, а хоть и сидѣтъ, такъ все она сойдетъ съ ума отъ печали.“

—Что жъ мнѣ дѣлать,—говорю я ему,—не жениться жъ, я подарилъ ей отъ доброй души—а ужъ это несчастье, что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать, авось какъ нибудь поправимъ; приди ко мнѣ завтра — и на силу уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя хотя невинного однако причиною сему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ и не зналъ чѣмъ то поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много; да цѣломудренной калачницѣ съ отцомъ ея ничего было ненадобно.—Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло исправило.

Послалъ я въ казенную Палату нѣсколько сотъ рублей раздѣлять на пяти рублевая, и пошедъ прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на расторжку же. Отецъ отчаянной калачницы, пришелъ ко мнѣ на другой день не съ тѣмъ уже, чтобъ толковать какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. „Богъ тебя надоумилъ, родимой мой,—говорилъ онъ мнѣ, однако съ слезами радости,—теперь ужъ ее не дразнятъ, всѣ дѣвки вссели, и съ нею ватажуются, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ; а всякъ говоритъ что ты это жалуешь только изъ милости.“

Признаться что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я однако отдать мужику то, что прежде давалъ я ему на приданое дочери его, такой

честной дѣвушкѣ. Но онъ никакъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: „Помилуй, батюшка, уволь: вѣдь опять тоже бить (говорить) стануть“.

Въ концѣ Августа 1800-го года возвратился я, обозрѣвъ Губерніи въ Москву, и безвыѣздно изъ нея, присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I-го.

Въ Сентябрѣ того же года случилась отставка многимъ Сенаторамъ, сверхъ всякаго ихъ чаянія; и осталось насъ тогда по департаментамъ очень не побольшому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь) человекъ почтенный, остроумный и много служившій, который обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ—но по дѣламъ, его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибитъ перья. Я, на его языкъ сказать, никогда не любя опускаться и не привыкши ни для кого поджиматься—велъ себя съ нимъ такъ же, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною и часто для того, чтобъ безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было идти противъ него; тогда уже онъ всякій разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь дѣломъ своего знакомаго, говоритъ онъ оберъ Секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, почему-то считая, что я буду противъ, и подлинно я былъ противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжebное, тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ томъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человекъ честный и шутиливый, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говоритъ съ улыбкою: „Не лучше ли доложить безъ его Высокопр-ва?“—Нѣтъ, отвѣчалъ я, доложите, только пожалуйте въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркій. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя держалъ. Наконецъ, я будто уставши спорить, и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были—согласился съ нимъ: ну, говорю, мастеру и книги въ руки. Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и

на другой день подписалъ резолюцію отнять деревню или землю, теперь не помню. у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, чрезъ нѣсколько дней узнавъ это, прїѣзжаетъ къ Сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ—не можетъ это быть. говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Прїѣхавши въ Сенатъ. спрашиваетъ у секретарей, какъ рѣшено это дѣло?—Докладываютъ ему какъ оно рѣшено. Возможно ли, говоритъ онъ, чтобъ я согласился рѣшить? Да вы де изволили и резолюцію давать и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе къ подписанію подано. Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился—и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть невозвратно, что при одномъ особливомъ случаѣ, не догадался я употребить добронамѣренной моею хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моею, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнію жизнь свою окончили. Вотъ о чемъ говорю я. Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію вмѣсто смертной казни и къ ссылкѣ на каторгу. не только безъ собственнаго признанія, безъ довольныхъ доказательствъ, но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивый манифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ, а прочіе, бывшіе тутъ товарищи слушаютъ, стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашиваетъ, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ?—Его можно, говорю я, съ нѣкоторой стороны уничтожить и по милостивому манифесту,—а всего справедливѣе и съ точными словами закона сходнѣе кажется мнѣ предать суду Божию по недостатку доказательствъ.—Не лучше ли, говоритъ онъ, по манифесту? Или какъ вы послѣднее полагаете?—И то очень хорошо. Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ секретарю своему резолюцію и взялъ за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ г.г. сенаторовъ, и къ первому подошелъ моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько секретаря, что сказалъ И. В.?—Предать суду Божию, отвѣчалъ Секретарь.—А я утверждаю рѣшеніе Палаты. сказалъ Его Высокопр. и продолжалъ рассказывать

товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насмѣшкою, которая была ему свойственна, и которая по крайней мѣрѣ тогда некстати была для осужденныхъ Палатою.

Пошло дѣло на голоса. Нашлись такіе, которые и къ нему пристали. Вошло въ общее собраніе Московскихъ Департаментовъ, въ нихъ такъ же согласно не рѣшилось: тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ общаго собранія Московскихъ переходили дѣла въ общее же С. П. Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю; а можетъ быть утвердили рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безъщадной строгости на иныхъ Г. Г. Сенаторовъ, особливо, когда око юстиціи, всегда здраво зрящее въ плоти прокурорской, не ясно разглядитъ мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной, или скудныхъ благодати земли.

Но ежели и годъ лишній напрасно люди въ тюрьмахъ и кандалахъ просидѣли,—только потому, что Его Высокопр. рѣшился ошибать мнѣ перья? Случай сей описалъ я больше для того, чтобъ показать какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ, не все ли равно, что рѣзать людей!

И ежели положить на вѣсы, съ одной стороны, воспитаніе такого судящаго, просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч., а съ другой—состояніе какого-нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ,—который заворовавшись укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ въ каторгу, или повѣшеннымъ—то нетрудно отгадать, которое перетянетъ.

Конецъ 1-й части.

